
КАТЕГОРИЯ ПОНИМАНИЯ И ЕЕ РОЛЬ В КОММУНИКАТИВНОМ И КОГНИТИВНОМ ПРОЦЕССАХ

В.Д. Шаламов

Кафедра русского языка
Факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются аспекты категории понимания/непонимания с точки зрения ее роли в коммуникативном и когнитивном процессах на материале текстов современной русской литературы. Особую роль автор отводит маркерам порождения речевой деятельности.

Ключевые слова: речевая деятельность, коммуникативные процессы, маркеры, линейные последовательности языковых знаков, речевые акты, интерпретация смыслов и значений.

I

Человеческий язык как социальное явление выполняет много различных функций, важнейшими из которых являются коммуникативная и когнитивная. Коммуникативная функция обеспечивает получение и обмен информацией между членами социума, когнитивная — восприятие и осмысление реалий окружающего мира. Эти функции тесно взаимосвязаны, т.к. когнитивные процессы лежат в основе коммуникативного взаимодействия. Однако обе функции могут быть реализованы лишь в процессе речевой деятельности (РД).

Речевая деятельность — это способ общения или обмена информацией между участниками коммуникативного процесса. РД представляет собой совокупность отдельных речевых актов, каждый из которых включает процессы говорения, или фонации, восприятия и понимания содержательного аспекта линейных последовательностей языковых знаков.

Если представить процесс РД в виде горизонтальной прямой, то на «входе» можно выделить **маркер** «порождение речи», а на выходе — «понимание содержания» порожденного высказывания/текста, которое предваряется их первичной обработкой и восприятием.

РД возможна благодаря оптимальному взаимодействию трех ее составляющих. Во-первых, это блок порождения высказывания/текста, главным компонентом которого является субъект (S), продуцирующий сообщение. В его сознании формируется, а затем передается адресату смысловое содержание, которое становится текстовой базой конкретного речевого акта. Во-вторых, канал, по которому передается содержание высказывания/текста посредством говорения, или фонации. В-третьих, в структуру РД входит блок приема речевой информации. Эту функцию также осуществляет субъект (S₁), участвующий в процессе общения. Блок приема включает процесс слушания, анализа и понимания смысловой, эмоциональной, поведенческой и другой информации, передаваемой продуцирующим субъектом.

В процессе речевой деятельности реализуется коммуникативная функция, которая предполагает наличие двух участников коммуникативного акта — *отправителя (продуцирующего субъекта, источника, коммутатора, индуктора)* и *получателя (реципиента, адресата, принимающего)* какого-либо сообщения.

Однако даже в том случае, если объектом исследования является монологическая речь и функционирует лишь один субъект — S, генерирующий высказывание/текст, мы вправе говорить о скрытой диалогичности монолога. Это можно проиллюстрировать многочисленными примерами из литературных произведений. Так, например, Фамусов, персонаж из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», в одном из своих монологов размышляет следующим образом:

Фамусов (один)
Который же из двух!
«Ах, батюшка! Сон в руку!»...
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

Здесь, несмотря на все признаки монологической речи (ремарка «один», отсутствие реального собеседника), угадывается неявная, скрытая форма диалога. Это связано с тем, что любой монолог внутренне направлен на получение определенной реакции возможного собеседника, слушателя или читателя. В данном случае обращение Фамусова к Богу («батюшка», «создатель»), к читателю, к зрителям в театре свидетельствует о наличии второго, с одной стороны, как бы виртуального, а с другой — реального участника гипотетического диалога, представленного в форме монологической речи.

Таким образом, порождение речи, первоначально в форме высказываний, а в конечном счете в виде дискурса — это процесс производства или продуцирования семантического содержания высказывания, а также — «построение семантической репрезентации дискурса, то есть его текстовой базы» [1. С. 171]. Передаются продуцированные высказывания/тексты посредством говорения, или фонации. Говорение — это, во-первых, результат РД, являющейся инструментом, с помощью которого обрабатывается продукт речепорождения в форме высказывания, текста или дискурса. Во-вторых, говорение — это способ передачи информации от отправителя адресату. В-третьих, говорение выражает определенное внутреннее состояние субъекта (S) с его знаниями и социально-культурным опытом. Кроме того, это попытка проникновения S в сознание получателя информации (S₁) с целью воздействия на его мнение, желания, намерения, поступки. Это связано с тем, что речь — не только средство общения и инструмент кодирования полученного опыта. «Она является одним из наиболее существенных средств регуляции человеческого поведения» [3. С. 94].

II

Представление речи как регулятора, корректирующего принятие решений и поведенческих намерений субъекта (S₁), основано на исследованиях В.Н. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, Г. Клауса, Н.И. Чуприковой, Г. Лозанова и, конечно, выдающегося философа, историка и психолога Б.Ф. Поршнева.

В рамках второй сигнальной системы Б.Ф. Поршнев выделил функцию речи как средства внушения, или суггестии [5. С. 164—165]. Он полагал, что в «чистом виде суггестия есть речь минус контрсуггестия» [5. С. 165], т.е. те факторы, которые препятствуют восприятию и пониманию говорения. Назовем эту функцию речи контрсуггестивной функцией.

Несмотря на относительно высокий уровень разработанности исследований по суггестивной тематике, в первой и начале второй половины XX в. лингвисты, психологи, психолингвисты не уделяли достаточного внимания этой важнейшей характеристике речи. Некоторое развитие суггестивный аспект говорения получил в исследованиях, посвященных нейролингвистическому кодированию и методике преподавания иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного, получивший название **суггестология** [2. С. 195].

Суггестивация [2. С. 195] речи заслуживает самого серьезного к себе отношения. Это связано с тем, что существует реальная возможность активации некоторых элементов психической реактивности человека. С помощью суггестивных приемов «они обеспечивают себе более непосредственный информационно-алгоритмический контакт с неосознаваемой психической деятельностью и использование ее возможностей для создания суггестивной установки, активизирующей резервные свойства мозга» [2. С. 195].

Важнейшим моментом в суггестивном процессе является выделение в речевом общении ядра, выполняющего функцию **внушения**. Б.Ф. Поршнев совершенно справедливо полагал, что это ядро находится не внутри индивида-реципиента, а в сфере взаимодействий между индивидами-субъектами, которых мы обозначили как S и S₁. В сознании каждого из них «находится лишь половина механизма суггестии» [5. С. 164—165]. Важность серьезного изучения суггестивных процессов в речевом общении объясняется еще и тем, что нейрофизиологам удалось локализовать в коре головного мозга области, определяющие и направляющие процессы внушения. Основываясь на работах различных ученых, Б.Ф. Поршнев показал, что лобные доли человека ведают осуществлением сложных актов, требующих длительного удержания определенных целей и намерений, связанных с оперированием вербальными и абстрактными понятиями [5. С. 153]. Лобные доли, точнее, префронтальная часть, тормозят реагирование человека на окружающую среду. Кроме того, они преобразуют речь в поведение, подчиняют поведение индивида заданию, замыслу, т.е. речевому началу, плану, программе [5. С. 153]. По мнению Б.Ф. Поршнева, «лобные доли есть орган внушаемости» [5. С. 165].

Иными словами, коммутатор, порождая высказывание/текст, передает не только его содержательный, но и суггестивный компонент, который включает определенный инструментарий и набор речевых приемов, позволяющих влиять на мозг получателя информации с целью воздействия на его реальное поведение, изменяя его и подчиняя воле коммутатора.

Средства суггестивного воздействия осознанно или неосознанно используются людьми в процессе речевого общения на всем протяжении развития человеческого общества. Г. Лозанов разделил весь комплекс суггестопедических приемов на две группы. К первой группе он отнес *авторитет* и *инфантилизацию*, ко второй — *двуплановость*, *интонацию*, *ритм* и *концертную псевдопассивность* [2. С. 195].

Введя суггестопедическое понятие *авторитет*, Г. Лозанов выделил несколько его типов: авторитет личности, авторитет догмы, веры, здравого смысла, практического опыта, авторитет высокого профессионализма, авторитет учителя, врача, родителей человека, более старшего возраста, авторитет любого коллектива и др. [2. С. 196].

Значение авторитета является определяющим для усиления суггестивной силы слова. Иначе говоря, мысль, высказанная людьми, обладающими разным уровнем авторитета, воспринимается по-разному. Индивидуальная значимость слова меняется в зависимости от его источника. Психофизиологическое воздействие авторитета заключается в относительной легкости использования широких возможностей *суггестора* для преодоления **контрсуггестивных барьеров**.

Авторитет самым непосредственным образом соотносится с *инфантилизацией* — чем выше авторитет источника суггестии, тем выше уровень инфантилизации реципиента. *Инфантилизация* — это не возвращение в детство, а создание условий для значительного повышения уровня восприятия речи и усиления функции памяти, свойственной более ранним периодам в жизни человека [2. С. 204].

Средства для получения суггестивного эффекта могут иметь различный характер. Одним из таких системных факторов является *двуплановость*. Применение и учет второго плана является одним из основных условий эффективного осуществления суггестивного акта воздействия. В этом случае включается сигнальный поток различных раздражителей, которые осознанно или неосознанно генерирует **суггестор**. Эти сигналы — изменения в походке, мимике, жестах, речи и др. — могут иметь решающее значение для достижения искомого суггестивного эффекта. Как правило, второй план — это источник суггестивных впечатлений коммутатора. Эти впечатления, часто неявно оформленные для самого суггестора, определяют его отношение к отдельным индивидам и ситуациям, являются факторами *неспецифической психической реактивности* [2. С. 207]. Двуплановость обыденного поведения используют в различных целях — лечебных, воспитательных, дидактических и других.

Интонацию, являющуюся суггестивным средством, также можно считать элементом двуплановости. Но она имеет и свое самостоятельное значение в процессе создания авторитета суггестора. При этом суггестивная методика рассматривает *интонацию* в широком диапазоне, включая не только особенности звуковых тонов, но и разнообразные цветовые тона, так как суггестивная сила цвета и освещенность известны давно и активно используются в живописи, кино, театре, фотографии, телевидении и т.д. Однако в суггестологии, говоря об интонации, обычно имеют в виду прежде всего звуковую интонацию, которая в процессе **суггестирования** придает передаваемой информации многозначительность, повышает авторитет источника. В суггестопедической практике используются три типа интонации: ровная (1); тихая многозначительная, направленная на подготовку реципиента к восприятию (2); властная, уверенная, обобщающая (3).

Применение различных типов интонации особенно необходимо, когда суггестивная программа имеет лечебные, воспитательные, учебные или иные цели. При этом важное значение приобретает ритм, в котором происходит интонирование отдельных слов, словосочетаний или высказываний, обращенных к реципиенту.

Ритм — это важнейший биологический фактор, отражающий, например, ритмы природы, а также ритмы в жизни человека. Значение ритмики принимается во внимание многими учеными, хотя до сих пор не разработано целостной обоснованной теории ритмов. Однако использование механизмов ритма находит свое практическое применение в искусстве, медицине, рекламе, педагогической практике. Так, точное ритмико-интонационное предъявление лексико-грамматического материала способствует его более эффективному усвоению учащимися, а поэтому представляет собой важное средство суггестивного воздействия на реципиента [2. С. 217].

Наконец, *концертная псевдопассивность* как суггестивное средство реализуется в том случае, когда субъект, воспринимающий информацию, находится в глубоко расслабленном, гипнотическом состоянии, которое является наиболее благоприятным для успешного внушения [2. С. 219—220].

Кроме суггестивного фактора, присущего речи, реально существует и его *контрсуггестивный* антипод, являющийся своеобразным фильтром на пути внушения определенной линии поведения субъекта, воспринимающего содержание высказывания/текста. **Контрсуггестия**, по нашему мнению, может быть как отрицательной, так и положительной. Контрсуггестия со знаком *плюс* защищает адресата от информации потенциально для него негативной или опасной, исходящей даже от людей, которым он доверяет или достаточно для него авторитетных. Контрсуггестия со знаком *минус* может, наоборот, способствовать восприятию информации, опасной чем-либо для ее получателя, при этом она может отрицательно повлиять на его поведение. Таким образом, наряду с суггестивной существует контрсуггестивная функция речи.

Такое достаточно полное, хотя и схематичное описание механизмов суггестии сделано нами потому, что суггестивный фактор является важной составной частью дискурса, он непосредственно влияет на формирование содержательной структуры когнитивных категорий.

III

Центральным понятием РД является **понимание** порождаемого субъектом высказывания или текста. Оно представляет собой главный критерий адекватности РД и рассматривается одновременно как процесс и как категория. Главная функция **понимания** — восприятие, осмысление и интерпретация окружающей действительности. Иначе говоря, в процессе понимания происходит познание реального мира, а поэтому сам феномен понимания является *когнитивной категорией*.

Понять какой-либо реальный объект, обозначенный языковыми знаками, значит постигнуть его смысл. Другими словами, смысл представляет собой наиболее релевантный критерий, определяющий содержание категории **понимание**. Исходя из этого некоторые исследователи выделяют три типа определений процесса понимания.

Во-первых, **понимание** рассматривается как извлечение и усвоение смысла, который несет последовательность языковых единиц. Понять *нечто* значит знать смысл этого *нечто*, в данном случае высказывания/текста. Во-вторых, **пони-**

ние рассматривается как осмысление объекта, то есть наполнение его определенным смыслом. В-третьих, **понимание** идентифицируется как процесс смыслопорождения. В его основе лежит отношение «*субъект — субъект*», а не «субъект — объект», как при описании первых двух типов определения категории **понимание**. Отношение «*субъект — субъект*» заключается в единстве и относительной идентичности смысла в сознании передающего и принимающего информацию [4. С. 257—264].

Однако мы полагаем, что по отдельности ни одно из трех определений категории *понимания* в полной мере не отвечает ее внутреннему содержанию. Это объясняется тем, что мы сталкиваемся с различными способами трактовки понятия «смысл».

В первом случае смысл, извлеченный его получателем из высказывания/текста, неидентичен тому смыслу, который изначально был заключен в сознании его отправителя. Это происходит из-за того, что адресат, как правило, интерпретирует смысловое содержание субъективно, исходя из личных знаний, мотивов, побуждений, желаний, оценок, а также индивидуальных знаний и представлений об окружающем мире. Во втором случае получатель информации, как бы наделяя смыслом высказывание/текст, также руководствуется приобретенными ранее *знаниями*, извлеченными из различных реальных жизненных ситуаций. Иными словами, «*на входе*» и «*на выходе*» мы имеем смыслы, которые в значительной степени могут не совпадать. Наконец, анализируя третье определение категории *понимание*, можно говорить о том, что субъект, воспринимающий смысл, потому его и понимает, что этот смысл интерпретируется им адекватно смыслу, порожденному в сознании коммутатора. Это, в свою очередь, возможно, если имеется полное или частичное совпадение универсумов *знаний* участников диалога.

Кроме того, необходимо отметить, что категория **понимание** коррелируется с категорией *знание*. Они не совпадают по значению, функции, внутреннему содержанию, но предполагают наличие друг друга, так как представляют собой различные способы взаимодействия, оценки и познания человеком реальной действительности. Именно поэтому мы рассматриваем категорию **понимание** не только как коммуникативную, но в равной степени как когнитивную категорию.

Проанализированные нами определения объединяет одно важное понятие — **интерпретация смыслового содержания** высказывания/текста. Интерпретировать смысл языковой единицы — это значит осмыслить его и объяснить с помощью близких по значению языковых средств.

Таким образом, **понимание** — это психический процесс восприятия, реконструкции и интерпретации смысла высказывания/текста принимающим субъектом для получения и оценки нового знания об окружающем мире.

Понимание смысла высказывания/текста можно рассматривать, как уже говорилось, в двух аспектах: без учета суггестивной нагрузки, то есть «в чистом виде», и с ее учетом. Для примера «чистого» **понимания** проанализируем смысловое содержание диалога из второй главы романа Б. Акунина «Турецкий гамбит».

Здесь речь идет об игре в кости волонтера Фандорина с одним из посетителей корчмы — толстяком. При этом ставкой в игре со стороны Фандорина являлась

ничего не подозревающая девушка Варя, ставкой со стороны толстяка был осел, необходимый волонтеру и девушке для дальнейшей поездки. Фандорин выиграл, но его партнер был не согласен с таким результатом и требовал продолжить игру.

Он все повторял:

— Оште ветнаж, оште ветнаж! (еще раз. — болг.)

Фандорин выслушал и решительно кивнул, но проигравшего его покладистость почему-то не устроила. Он заорал еще громче, замахал руками. Фандорин снова кивнул, еще решительней.

И тут Варя вспомнила про «болгарский парадокс»: когда киваешь, это значит «нет».

В этом отрывке мы сталкиваемся с пониманием в его прагматическом варианте, когда участники диалога одинаково оценивают приписываемые высказываниям конвенциональные значимости [1. С. 14—15]. Здесь и Фандорин, и толстяк адекватно интерпретируют смысл не только отдельного высказывания, но и всего текста в целом. Так, они оба понимают кивок головой как знак несогласия. Следовательно, общий смысл этого диалога (со стороны толстяка он вербальный, со стороны Фандорина — это язык жестов) заключается в несогласии волонтера продолжать игру. Здесь имеет место приятие Фандориным не свойственной для России конвенциональной связи между выражением формы согласия/несогласия и языком жестов, принятым в Болгарии, что обеспечивает полное понимание друг друга участниками диалога.

Таким образом, в данной ситуации **понимание — это интерпретация смысла высказываний и текста в целом минус его суггестивная нагрузка.**

Теперь рассмотрим **понимание** не только с точки зрения коммуникативной функции, но и с учетом суггестивной нагрузки. В качестве иллюстрации рассмотрим еще один диалог из уже упоминавшегося романа Б. Акунина. В нем генерал Соболев хочет получить информацию, носителем которой является волонтер Фандорин.

— Что за сообщение? — нахмурился Соболев.

Фандорин засмеялся, явно не желая говорить.

— Да бросьте разводить тайны Мадридского двора, — прикрикнул на него генерал. — Это в конце концов невежливо по отношению к вашим спасителям.

Волонтер все же понизил голос, и иностранные корреспонденты наострили уши.

— Я пробираюсь до Видина, господин генерал. Осман-паша три дня назад выступил с корпусом по направлению к Плевне.

В этом фрагменте содержательный компонент каждого высказывания достаточно очевиден, однако интерпретация смысловой направленности диалога становится понятной лишь в его конце. Она заключается в желании генерала получить сведения, которыми владеет волонтер. Соболев добывается своего, используя некоторые суггестивные средства. Во-первых, это личный *авторитет* генерала, имеющего более высокое звание и положение в армии, чем волонтер Фандорин, что в определенной степени влияет в суггестивном плане на *инфантилизацию* последнего. Во-вторых, для достижения своей цели Соболев использует суггестивный

прием — *двуплановость*: мимику («Соболев нахмурился»), изменение интонации («прикрикнул генерал»), изменение эмоциональной тональности в форме словесного укора («...невежливо по отношению к...»), использование категорической аналогии («тайны Мадридского двора»). Все это позволяет генералу достичь своей цели.

Фандорин, в свою очередь, пытается воспрепятствовать разглашению секретной информации, для чего использует средства контрсуггестивной защиты. Сначала он смеется, пытаясь выиграть время для обдумывания ситуации и принятия решения, а затем изменяет тональность своего повествования, чтобы посторонние не услышали содержание его информации («волонтер... понизил голос...»), которую он излагает экономно, без эмоциональной окраски.

Следовательно, **понимание** с учетом суггестивных факторов — это интерпретация смыслового содержания высказывания/текста плюс суггестия минус контрсуггестивные препятствия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
- [2] *Лозанов Г.* Суггестология (глава из книги) // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. — Вып. II. — М., 1976.
- [3] *Лурия А.Д.* Теория развития высших психических функций в советской психологии. — М., 1966.
- [4] *Порус В.Н.* Искусство и понимание: сотворение смысла // *Заблуждающийся разум?: Многообразие венаучного знания.* — М., 1990.
- [5] *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. — М., 2006.

THE CATEGORY OF UNDERSTANDING AND ITS ROLE IN COMMUNICATIVE AND COGNITIVE PROCESSES

V.D. Shalamov

The Department of the Russian Language
Faculty of the Russian Language and Basic Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article analyses the aspects of the category of understanding/misunderstanding proceeding from its role in communicative and cognitive processes basing on modern Russian literature texts. Special role is ascribed to the markers which serve to generate speech activity.

Key words: speech activity, communicative processes, markers, linear sequences of language signs, speech acts, interpretation of meanings.